

нечник копья» (*mataa*), хотя этот знак напоминает каменный нож (*kahi*)²⁸, в данном ряду отмечает места, где ловился тунец (*kahi*). Таких мест было, действительно, три: Хака-Нонона, Хатехате, Митиаке. В первой группе нет знака — эта деталь сближает ряд с инициалом рыба с рядами племенным и сыновним; владелец дощечки Ленинградской большой — член племени миру, и поэтому у него нет надобности указывать специальными знаками свою территорию и свои места рыбной ловли.

Подводя итоги, мы хотим отделить то, что нами прочтено, от того, что пока лишь истолковано. Прочтен список племен на четырех дощечках, и установлено следующее.

1. На о. Пасхи было 10 племен (а не 12, как утверждают некоторые источники).

2. Названия племен переданы на дощечках не полностью, а частично (тупахоту — «тупа»; хаумоана — «хау» и т. д.).

3. Название хити-уира на разных дощечках написано по-разному («хити», «уи»).

4. В письме переданы не все слова, а лишь стержневые («размножаться», «много»), остальные читались по памяти.

Список потомков и их территорий наполовину прочтен, наполовину истолкован. Один и тот же знак «потомок» читается в первой группе — потомок Хоту-Матуа по имени Миру; во второй — потомок Хоту-Матуа по имени Хити-Уира; в третьей — потомок Хоту-Матуа по имени Марамма и т. д. По существу этот знак (10) мало чем отличается от сучка на генеалогической палке или от узелка на генеалогическом шнурке, с помощью которых маори Новой Зеландии и жители Маркизских островов перечисляли своих предков, и надежно истолковать и частично прочитать список потомков и их территорий, имеющий бирочный характер, удалось лишь благодаря тесной связи этого списка с перечнем племен.

Список мест рыбной ловли пока лишь истолкован, поэтому дальнейшие исследования могут как подтвердить предложенное толкование, так и опровергнуть его (как это произошло со списком растений).

Перечень племен, прочтенный нами, позволяет теперь с полной уверенностью утверждать, что на дощечках каждый знак передает слово; что записаны не все слова текста, а лишь стержневые. Выявлена еще одна особенность этого письма — слова могут быть переданы не полностью, а частично.

²⁸ Мы отмечали это ранее. См. Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В. Указ. раб., с. 81.

Г. А. Агранат

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЛЯСКИ И КАНАДСКОГО СЕВЕРА: СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В течение последних 10—15 лет в положении коренного населения Аляски и Канадского Севера произошли довольно серьезные перемены в социальном, политическом и экономическом отношениях. Эти перемены отражают, с одной стороны, общий, весьма активный процесс ликвидации колониализма во всем мире, процесс возрождения отсталых народов; с другой — они связаны с крупными сдвигами количественного и качественного характера в развитии производительных сил Севера.

По нашей оценке, основанной на данных переписей 1970—1971 гг., общая численность коренного населения Аляски и Канадского Севера

составила около 123,7 тыс. чел., в том числе на Аляске — 50,7 тыс., на Канадском Севере — 73 тыс. В этническом плане эта цифра распределяется следующим образом: эскимосы (инуиты) — 43,8 тыс., индейцы — 73,3 тыс., алеуты — 6,6 тыс.¹

Схема исторического развития коренного населения. Приход европейских колонизаторов в Новый Свет в XVIII—XIX вв. на первых порах не изменил традиционного способа производства: эскимосы, индейцы, алеуты Аляски² и Канадского Севера по-прежнему занимались охотой на пушного и морского зверя, добычей дикого оленя и других животных, рыболовством, собирательством даров природы. Однако с внедрением привозных товаров, истощением охотничье-промысловых ресурсов из-за интенсификации охоты натуральная экономика постепенно разрушалась. Переход же к другим источникам существования — работе на промышленных и транспортных предприятиях и в других сферах деятельности пришлого населения был затруднен из-за низкого культурного, образовательного и профессионального уровня аборигенов. Да и возможности работы были весьма невелики: промышленное освоение Севера только начиналось.

К 30—40-м годам XX в. значительная часть аборигенов Севера оказалась в крайне тяжелом положении, подчас на грани голода и вымирания. Правительства США и Канады вынуждены были оказывать им прямую финансовую помощь. Проводились и другие меры, например переселение из тех районов, где охота и промыслы уже не давали нужного количества пушнины, мяса и иных продуктов, в другие, более богатые охотничье-промысловыми ресурсами. Но все эти мероприятия мало что давали.

Начались поиски выхода из создавшегося положения. Правительства США и Канады хотели освободиться от бремени благотворительности по отношению к северным народностям, найти им практическое применение в ходе хозяйственного развития северных районов.

Политика по отношению к коренному населению Севера принципиально менялась также в связи с серьезными изменениями во взглядах на ценность северных земель и недр. Долгие десятилетия Север не очень интересовал широкие круги предпринимателей и население США, Канады и других стран, и поэтому вопрос о правовой принадлежности северных земель серьезно не вставал. В этом принципиальное отличие колонизации Севера от колонизации среднеширотных территорий США и Канады, где этот вопрос был самой важной проблемой продвижения на новые земли. Отсюда и сравнительная терпимость или, точнее, безразличие к исконным владельцам северных земель; эти земли нужны не были, к тому же аборигены поставляли меха, и их существование было, с точки зрения колонизаторов, даже полезным.

К 50—60-м годам положение начало в корне меняться: земли Севера постепенно приобретали все большую ценность. Да и политический климат во всем мире изменился: о том, чтобы сгонять аборигенов и истреблять их, как это делалось в XVIII—XIX вв. в отношении сотен тысяч индейцев на основных территориях США и Канады, не могло быть и речи. Приходилось искать соответствующие эпохе политические, юридические и иные формы сосуществования.

¹ Общая площадь, занимаемая этими народностями, составляет около 8,6 млн. км², в том числе на Аляске — 1,5 млн., на Канадском Севере (Юкон, Северо-Западные Территории, северные районы провинций Ньюфаундленд, Квебек, Онтарио, Манитоба, Саскачеван, Альберта, Британская Колумбия) — 7,1 млн. км².

² Мы оставляем в стороне взаимоотношения пришлых людей и аборигенов в русский период освоения Аляски (конец XVIII в.— 1867 г.); они существенно отличались от того, что было в то время на Канадском Севере и после 1867 г. на Аляске; этот вопрос уже исследован (см. *Агранат Г. А.* Об освоении русскими Аляски.— *Летопись Севера*, 1971, № 5; *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 г. М.: Наука, 1971; *ее же.* Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски.— В кн.: *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки.* М.: Наука, 1981, с. 244—266).

Анализ сложившегося к 50—60-м годам положения был сделан в опубликованных в 60-х — начале 70-х годов работах автора данной статьи и других советских исследователей³.

Последующее время можно считать началом нового периода в развитии северных народностей США и Канады. Наметились новые или четко закрепились лишь слегка обозначившиеся в прошлом тенденции.

Аборигены Севера в борьбе за свои права. Важнейшей чертой нового периода (конец 60—70-х годов) является резкий подъем национального движения народностей Зарубежного Севера.

Характерный для всего бывшего колониального и зависимого мира рост национального самосознания ранее отсталых народов в этот период приобрел на Севере четкие черты. Повсеместно появился ряд политических, профессиональных, женских и других общественных организаций аборигенов. Это стало особенно заметно на Аляске, где к концу 60-х годов была создана «Федерация аборигенов Аляски», разработавшая единую программу развития аборигенов штата. Наряду с этой центральной организацией уже в начале 70-х годов существовало не менее двух десятков региональных, общинных и этнических обществ⁴. На Канадском Севере степень политической зрелости национального движения аборигенов заметно ниже, чем на Аляске. Сказывается более низкий уровень социально-экономического развития региона, территориальная распыленность коренного населения. Но новое возникло и здесь. Появился ряд обществ, в том числе общеканадская «Инуит Тапирисат оф Канада» (эскимосы).

У народов Севера возникли свои газеты и журналы: «Тандра Таймс» — на Аляске, «Инуит Мансли», «Нэйтив Пресс» — на Канадском Севере и др. Среди аборигенов выдвинулись лидеры — достаточно образованные и наделенные организаторским талантом люди. Представители северных народностей теперь участвуют во многих совещаниях и симпозиумах по проблемам Севера, проводимых административными и общественными организациями в США, Канаде и других северных странах, а также в международных конференциях.

Все это — явления, невиданные еще 15—20 лет назад. Столь же новым стало участие аборигенов в местных административно-политических органах. Так, в одном из районов на севере Аляски административные органы полностью находятся в руках аборигенов.

В Канаде, как сообщалось весной 1982 г. в канадской печати, эскимосы активно боролись за выделение из Северо-Западных Территорий огромного района, который должен стать автономной эскимосской территорией («Нунавут» — «наша земля»).

На высокий уровень национального движения на Севере указывает тот факт, что оно разворачивается уже не только в рамках отдельного региона, но и в более широких масштабах. В июне 1977 г. в Барроу (Аляска) состоялась первая конференция эскимосов Аляски, Канадского Севера и Гренландии, в июне 1980 г. в Годтхобе (Гренландия) — вторая. Была выработана хартия, провозгласившая право эскимосов определять и защищать свои социальные, экономические и политические права; для этого созданы постоянные организации⁵.

Приведенные факты имеют историческое значение. Они показывают, что во всемирном национально-освободительном движении нет исключений. Все народы, в том числе народности Севера, достойны

³ См., например: Агранат Г. А. Положение коренного населения Крайнего Севера Америки. — Сов. этнография, 1961, № 4; его же. Зарубежный Север. Опыт освоения. М.: Наука, 1970; Файнберг Л. А. Очерки этнической истории Зарубежного Севера. М.: Наука, 1971; его же. Формирование эскимосского национального меньшинства США (1867—1970 гг.). — В кн.: Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 181—195.

⁴ Подробнее см.: Лопуленко Н. А. Коренное население Аляски: современное положение и борьба за равноправие. — В кн.: Расы и народы, № 7. М.: Наука, 1977. См. также: Ervin A. M. The Emergence of Native Political Capacity. — Musk Ox, 1976, № 17.

⁵ Inuit Circumpolar Conference Charter, 1980. — Polar Record, 1981, № 127.

права на самостоятельную жизнь, борются за это право и в конечном счете завоевывают его.

Борьба северных народностей за свои права вынудила правительства США и Канады усилить внимание к проблемам этих народов. Указанные проблемы вызвали политический и общественный резонанс в кругах международных организаций, прежде всего в Организации Объединенных Наций. В частности, в конце 1974 г. XVIII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла решение о международной координации работ по изучению коренного населения Арктики. Международные конференции по проблемам северных народностей состоялись в 1969 г. (Гавр), в 1973 г. (Копенгаген), в 1975 г. (Амстердам).

Создаются специальные комиссии, основной задачей которых является анализ возможного влияния проектируемого хозяйственного строительства на жизнь аборигенов. Проблемы коренного населения стали занимать важное место в региональных программах и связанных с Севером правительственных решениях. Расширилось изучение политических, экономических и социологических проблем народностей Севера отдельными учеными и целыми научными коллективами⁶.

Однако на результатах исследований, да и в действиях буржуазных правительств США и Канады в отношении малых народов Севера не могли не отразиться неокOLONиалистские тенденции современной политики империалистических держав. Поиски гибких форм обращения с угнетаемыми народами, подчеркивание лояльности, демагогические речи о равноправии, критика прошлого, ставка на социальную дифференциацию населения — все эти черты, характерные для названной политики, можно легко увидеть и на Севере.

Для весьма обильной в последние 10—15 лет научной литературы капиталистических стран характерна довольно острая критика колониализма на Севере, неудач и ошибок прошлой государственной политики в отношении северных народностей, нередко идеализация условий жизни этих народностей до прихода европейцев. Вот один из примеров критических тезисов видных западных североведов: «Север до недавнего времени рассматривался как незаселенная земля, где каждый, кто придет сюда, волен искать и эксплуатировать то, что он найдет, вовсе не считаясь с теми, кто живет здесь все время»⁷.

Впрочем, нередки случаи, когда буржуазные авторы, и особенно чиновники, не прочь обвинить в иждивенчестве, нежелании работать, моральном разложении тех северных аборигенов, которые при отсутствии других источников существования выживают главным образом благодаря пособиям. Подобная оценка социальной помощи неимущим группам общества вообще характерна для буржуазных идеологов. Конечно, в отдельных случаях под воздействием помощи, при отсутствии возможности работать, в обстановке отчаяния у некоторых неимущих появляется психология люмпен-пролетария, нарушаются определенные нравственно-этические нормы⁸. Но буржуазные авторы не хотят учитывать, что отчаянное положение возникло вследствие разрушения колонизаторами Севера привычного хозяйственного уклада коренного населения, а эксплуатация минеральных и других природных богатств, по праву принадлежащих аборигенам, не только не приносит им пользы, но в конечном счете оказывает разрушающее действие на образ и условия жизни. Нерациональное использование этих богатств вело к истощению охотничье-промысловых ресурсов, а никаких отчислений от прибылей и налогов аборигенные общины не получали.

В последнее десятилетие в этом смысле наметились определенные сдвиги. Однако, как будет показано далее, ни работы ученых, ни поли-

⁶ Обстоятельный обзор некоторых из этих работ см.: Лопуленко Н. А. Социальное развитие эскимосов Аляски в освещении современных американских этнографов.— В кн.: Этнография за рубежом. Историографические очерки. М.: Наука, 1979.

⁷ Armstrong T., Rogers G., Rowley G. The Circumpolar North. L., 1978, p. 115.

⁸ См. Чорбинский С. И. Социальная помощь, социальные мифы.— США. Экономика, политика, идеология, 1978, № 2.

тические и административные мероприятия не привели к справедливому и полному решению социально-экономических проблем северных народностей. Они или недостаточны, или половинчаты, или же толкают развитие северных народностей в опасном для них направлении.

Сошлемся на свидетельство видного канадского североведа Л. Э. Амлена. Он признает, что правительство Канады действительно обеспокоено проблемами коренного населения Севера. «Но,— заключает автор,— беспокойство и интерес еще не означают решение вопроса, и можно утверждать, что политика, основанная на радикальном переосмыслении всей суммы отношений между пришлыми жителями и аборигенами, еще не реализована»⁹.

Экономическое положение: выбор пути. В последние 10—15 лет экономическое положение аборигенов Аляски и Канадского Севера претерпело существенные изменения. Уже в первые два десятилетия после второй мировой войны довольно ясно выявились возможные пути экономического развития северных народностей. Один из них — попытка сохранения и укрепления традиционных отраслей хозяйства северных народностей при осторожном и постепенном вовлечении их в промышленность, транспорт и другие отрасли занятий пришлого населения. Второй путь — это ставка на работу по найму.

Факты последнего десятилетия говорят о том, что буржуазные государства пытаются поставить народности Севера на путь резкой активизации капиталистических отношений, развития предпринимательства. В этом отношении примечательны новые формы отношений между коренным населением и правительствами США и Канады. В конце 1971 г. конгресс США постановил передать аборигенам Аляски в монопольное пользование 16 млн. га истари принадлежащей им территории и выплатить (в течение 20 лет) 962 млн. долл. в качестве денежной компенсации за земли, изъятые в связи со строительством трансалаяскинского нефтепровода и ряда других хозяйственных объектов. Для общественного использования выделенных средств среди коренного населения было создано 12 региональных корпораций.

Корпорации по существу превратились в капиталистические фирмы, занимающиеся разнообразными делами — транспортировкой грузов в отдаленные местности, строительством и эксплуатацией гостиниц, обслуживанием туристов, разработкой небольших месторождений минерального сырья и т. д. Серьезным источником доходов служат арендная плата, налоги с частных фирм, эксплуатирующих недра на землях «туземных» корпораций.

Эскимосам и индейцам Канады, проживающим в районе строительства каскада крупных гидроэлектростанций близ зал. Джемса, в 1975 г. после длительной борьбы были выделены неотчуждаемые под хозяйственное строительство значительные территории и выданы обязательства о выплате в течение 20 лет 324 млн. долл. за изъятие территории. В настоящее время ряд других групп аборигенов Канадского Севера требует от правительства Канады заключения аналогичных соглашений.

Новая форма взаимоотношений аборигенов и властей в какой-то степени улучшает положение коренного населения Севера, но главное — меняет его социальный статус. Она способствует полному искоренению родовых и других старых форм общественных отношений среди аборигенов и вместе с тем резко активизирует процесс классового, социально-экономического расслоения местных общин. Очень небольшая доля коренного населения становится администраторами, мелкими подрядчиками, возникает своя мелкая буржуазия.

Надо учесть, что размер денежных компенсаций в расчете на душу коренного населения невелик. Учитывая, что компенсация будет выплачиваться с длительной рассрочкой, на каждого индейца, эскимоса,

⁹ *Hamelin L. E. Canadian Nordicity. Montreal, 1979, p. 225.*

алеута Аляски придется не более 800—1000 долл. в год. Неизбежная и уже происходящая капиталистическая дифференциация корпораций коренного населения сведет доход подавляющей части аборигенов к еще меньшей сумме.

Следует также иметь в виду, что эти корпорации, бесспорно, разделят судьбу мелких фирм, обычно с трудом конкурирующих с крупными компаниями. Периодическая печать Аляски часто приводит факты организационных и коммерческих неудач аборигенных корпораций, которые ведут непрерывную и неравную борьбу с местной администрацией и компаниями, стремящимися ограничить доходы корпораций.

Новая форма национальной политики в какой-то мере напоминает известную американскую политику так называемого «плавильного котла» (melting pot), которую Канада и особенно США проводили по отношению к массе иммигрантов в XIX—начале XX в. Суть ее состояла в «переплавке» социально и этнически разнородных пришельцев в общем «котле» американской буржуазной демократии и американского «свободного» предпринимательства; был расчет на то, что для иммигрантов из политически отсталых стран Западной Европы американские демократические институты будут очень привлекательны. Однако политика «плавильного котла» с ростом социального и национального самосознания иммигрантов быстро перестала приносить положительные результаты.

Таким образом, попытка перевода аборигенов на рельсы частного предпринимательства не сняла необходимости выбора между основными альтернативами развития коренного населения: работа по найму или традиционные отрасли хозяйства. Ведь собственное предпринимательство, создаваемое с помощью указанных денежных выплат или другим путем, может обеспечить занятость лишь небольшой части аборигенов.

В последнее десятилетие правительственные органы США и Канады предпринимают немало усилий по вовлечению коренных жителей в промышленность, транспорт и другие отрасли хозяйства. Расширяются масштабы организованного трудоустройства коренного населения. Так, в середине 70-х годов министерство по делам индейцев и развития Севера Канады обеспечило работой на новом государственном свинцово-цинковом комбинате на Баффиновой Земле 100 эскимосов (мужчин и женщин), составивших более 50% всех рабочих и служащих этого предприятия. По оценке Л. Э. Амлена, в 70-х годах в среднем 25% работоспособных аборигенов Канадского Севера работало на рудниках и транспорте, в сфере обслуживания; в отдаленных районах, таких, как Северо-Западные Территории, эта цифра опускалась до 15%¹⁰. О росте значения работы по найму говорит ее достаточно высокая доля в общих доходах аборигенов. Даже в далеком эскимосском пос. Бейкер-Лейк в Канаде она составила в 1976—1977 гг. 41,7%, а в четырех поселках Канадского арктического архипелага (Арктик-Бей, Понд-Инлет, Гриз-Фьорд, Резольют) 68,9% в 1978 г.¹¹

Самый крупный пример работы по найму — строительство Транс-Аляскинского нефтепровода. Здесь в 1974—1977 гг. было занято в общей сложности 5770 индейцев, эскимосов и алеутов, что составило около 10% всех работавших за это время на стройке. Работали аборигены главным образом разнорабочими, но также механиками, электриками, шоферами, смазчиками и др. И именно этот, самый значительный, опыт вовлечения аборигенов в работу по найму насторожил ученых и администраторов. Он поставил больше вопросов, чем дал ответов. Обращает внимание прежде всего то, что больше половины (51,5%) занятых на строительстве аборигенов работало не более 8 недель (в том числе 25% — менее 2 недель и лишь 0,4% — все 3 года). Уход со стройки объяснялся тоской по дому, неприспособленностью к 10-часовому рабо-

¹⁰ Hamelin L. E. Op. cit., p. 220.

¹¹ The Baker Lake Decision.— Northern Perspectives, 1980, № 3; Myers H. Traditional and Modern Sources of Income in the Lancaster Sound Region.— Polar Record, 1982 № 130.

чему дню, тяжелыми условиями работы, плохим отношением начальства, просто нежеланием работать. Часто наблюдалась и расовая предрасположенность по отношению к эскимосам и индейцам, белые бригады пренебрежительно отзывались о них¹².

Надо вместе с тем отметить, что фирмы большей частью заинтересованы в местной рабочей силе, избавляющей от дорогостоящей вербовки рабочих с юга. К тому же они получают субсидии от государства на профессионально-техническое обучение аборигенов. Администрация предприятий пытается проявить определенную гибкость в создании для аборигенов условий работы, соответствующих их образу жизни. На горнопромышленных предприятиях Канадского Севера предусмотрены, в частности, сменная (вахтовая) организация работы, частые отлучки домой, продолжительные отпуска. Этим обеспечивается возможность сочетать работу по найму с охотой и промыслами. В среднем коренные жители зарабатывают на промышленных, транспортных, торговых и других предприятиях (исходя из затраченного времени) больше, чем в традиционных отраслях хозяйства.

Несмотря на все это, вовлечение аборигенов в работу по найму идет медленно и неустойчиво, особенно на Канадском Севере. Так, на полиметаллическом руднике в Фаро (Юкон) в начале 70-х годов индейцы составляли до 25% общего состава работников, через несколько лет их было 10%, затем эта цифра упала до 1%¹³. За 1975—1980 гг. численность работающих в горнопромышленных фирмах эскимосов канадских поселков Понд-Инлет сократилась с 69 до 42, Арктик-Бей — с 55 до 48¹⁴.

Причины тому — историко-этнические и социально-экономические факторы. Приспособление отсталых народов к новым для них занятиям за короткий исторический срок объективно крайне нелегкий процесс. В капиталистических странах социально-экономические условия создают дополнительные трудности. Указанный процесс требует исключительного внимания со стороны государства и общественности, большой помощи, не только административной и экономической, но, что, может быть, самое главное, и социологической, создания определенного нравственно-этического климата. Многие аборигены, не будучи в состоянии быстро приспособиться к жизни современного общества, выступают против перевода их в рабочих и служащих. «Отошлите нас назад на наши земли... Не то дело кончится тем, что мы потеряем даже вкус к жизни», — заявляли работавшие по найму эскимосы округа Киватин представителю канадского правительства¹⁵.

Вопрос о морально-психологическом приспособлении к новым условиям работы и жизни, пожалуй, главный и самый болезненный. Д. Джонс провела обследование более 100 индейцев и эскимосов, работающих в разных учреждениях и предприятиях, главным образом в ресторанах и гостиницах Анкориджа. Она пришла к выводу, что подавляющее большинство не удовлетворено работой. Аборигены, особенно мужчины, угнетены тем, что на своей сугубо неквалифицированной работе они не могут показать те черты, которые в аборигенной общине считаются обязательными, престижными: ловкость, физическую силу, удачливость, способности умельца, кормильца семьи и всей деревни¹⁶.

Неустойчивость и болезненность процесса перехода охотников и промысловиков на наемный труд сохранили достаточно прочными позиции поборников пути укрепления традиционных отраслей хозяйства коренного населения Севера. Ставка на эти занятия наибольшую роль

¹² Naylor L. L., Godding L. A. Alaska Native Hire on the Trans-Alaska Oil Pipeline Project. — Alaska Review of Social and Economic Conditions, 1978, № 1.

¹³ Gibson R. B. The Strathcona Sound Mining Project. Ottawa, 1977, p. 100.

¹⁴ Hobart C. W. Impacts of Industrial Employment on Hunting and Trapping among Canadian Inuit. — In: Proceedings. First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North. Ottawa, 1981, p. 210.

¹⁵ Курьер ЮНЕСКО, февраль, 1975 г.

¹⁶ Jones D. M. Urban Native — Men and Women — their Difference in their Work Adaptation. Fairbanks, 1978.

играет на Канадском Севере, где традиционная экономика еще сохранила немалое значение. Во многих районах 50—60% всех заработков и доходов поступает от пушного промысла, охоты и рыболовства. Комиссия Т. Р. Бергера, обследовавшая условия жизни аборигенов в Северо-Западных Территориях, считает, что спасение индейцев и эскимосов — в развитии пушного промысла, охоты, рыболовства и других отраслей хозяйства, эксплуатирующих возобновимые биологические ресурсы¹⁷. Можно сослаться также на работы Л. Э. Амлена, П. Ушера, М. Новака¹⁸ и других ученых, защищающих этот путь. Помимо прочего, эти ученые справедливо подчеркивают важность традиционных отраслей хозяйства как поставщиков свежего мяса и рыбы, очень нужных северному аборигену, во все большей мере питающемуся хлебомучными и консервированными продуктами. Вообще в научных и административных кругах Канады пробивает дорогу концепция так называемого «сбалансированного экономического развития» северных районов, суть которой состоит в том, что отрасли, использующие возобновимые (биологические) ресурсы, должны иметь равный приоритет с отраслями, основанными на эксплуатации невозобновимых (минеральных) ресурсов. Иными словами, эти отрасли не должны оттесняться на второй план.

Однако ставка на традиционные отрасли хозяйства как на главную экономическую опору народностей Севера также вызывает серьезные споры среди зарубежных ученых. Противоречия в выборе путей развития северных народов, обнаружившиеся еще несколько десятилетий назад, не только не сглаживаются, но, пожалуй, обостряются, и это вновь указывает на исключительную сложность решения этой проблемы.

Работавшая одновременно с комиссией Т. Р. Бергера группа К. М. Лисика, изучавшая проблемы аборигенов Юкона и прилегающих к нему районов, обвиняет ее в отсутствии реалистичности: возврат к старому укладу жизни, надежда на серьезное укрепление традиционного хозяйства и отвлечение от работы по найму, по ее мнению, уже невозможны¹⁹. Канадский северовед Дж. Лотц, соглашаясь с этим, пишет, что в Канаде возникло своего рода противопоставление двух направлений — «прогрессистов», «передовиков» (сторонники развития по новому пути, всемерного вовлечения аборигенов в новые отрасли хозяйства) и «консервационистов», «романтиков» (защитники старого уклада жизни)²⁰. У. Макконелл упрекает Т. Р. Бергера в том, что он некритично воспринял «утопические устремления части туземной элиты к возврату на землю»²¹.

Традиционные занятия. К основным традиционным занятиям коренного населения Аляски и Канадского Севера относятся промысел пушного зверя, рыболовство, морской зверобойный промысел, охота на дикого оленя. Важнейшее из них — пушной промысел. Многолетнее стремление охотников-аборигенов к увеличению заготовок пушнины, усугубляемое резкими колебаниями цен на меха, растущий приток охотников-любителей, транспортно-промышленное освоение территории, истощавшее многие охотничьи угодья, — все это не могло не привести к уменьшению поголовья зверя и ухудшению состояния про-

¹⁷ *Berger T. R. Northern Frontier. Northern Homeland.— The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry. V. 1—II. Ottawa, 1977.*

¹⁸ *Hamelin L. E. Op. cit.; Usher P. Evaluating Country Food in the Northern Native Economy.— Arctic, 1976, № 2; Nowak M. The Economics of Native Subsistence Activities in a Village of Northwestern Alaska.— Arctic, 1977, № 4.*

¹⁹ *Lysyk K. M. et al. Alaska Highway Pipeline Inquiry. Ottawa, 1977.*

²⁰ Дж. Лотц приводит хорошо иллюстрирующую ситуацию слова индейки Рой Фабиан из пос. Хей-Ривер: «Я не могу согласиться ни с теми ни с другими» (речь идет о представителях двух названных направлений развития аборигенов.— Г. А.). Я получила образование, но белые люди не признают меня, ибо я не имею хорошего цвета кожи. Я из тех людей, которые застряли на перепутье двух культур и не знают, по какому из них идти» (*Lotz J. Northern Pipelines and Southern Assumptions.— Arctic, 1977, № 4.*)

²¹ *McConnell W. H. The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry.— Musk Ox, 1978, № 21.*

мысла. Справедливости ради можно отметить некоторые успехи в восстановлении численности и улучшении условий воспроизводства пушного зверя в ряде районов.

Тем не менее можно утверждать, что на Аляске и на Канадском Севере в последние два-три десятилетия объем заготовок и запасы ряда ценных видов пушного зверя имеют тенденцию к падению, хотя проследить это в силу довольно резких циклических колебаний запасов и меняющейся конъюнктуры мехового рынка не всегда легко²², получаются неоднозначные и не очень хорошо сопоставимые результаты.

Рост в 70-х годах цен на песца, например, в несколько раз повысил доходы от пушного промысла в североканадских районах Коппермайн, Арктик-Бей, Понд-Инлет, хотя физический объем заготовок за период 1969—1980 гг. практически не увеличился²³. Отдельные специалисты, к примеру Т. Р. Бергер, Х. Майерс утверждают, что имеется возможность заметно увеличить объем промысла, по крайней мере на Канадском Севере, природная база это позволяет. Однако само по себе наличие достаточных запасов пушного зверя в этом огромном регионе в целом еще не означает, что аборигены имеют реальные возможности расширения пушного промысла. Во многих наиболее населенных аборигенами районах охотничьи угодья сильно истощены. Концентрация коренного населения в крупных поселках, уход части охотников на промышленные и другие предприятия ограничивают возможности освоения отдаленных угодий. Осуществляемое и ожидаемое промышленное и особенно транспортное строительство неизбежно ухудшат условия охоты. Лишь в самых отдаленных районах потенциальные охотничье-промысловые возможности, видимо, еще достаточно обширны.

Серьезным источником средств существования эскимосов и индейцев Аляски и Канадского Севера издавна являлась охота на дикого оленя (карибу). По ряду причин (нерациональный промысел, лесные пожары и др.) его поголовье катастрофически сократилось. На Канадском Севере в начале нынешнего века насчитывалось, по разным оценкам, до 2—3 млн. диких оленей, к концу 70-х годов, судя по подсчетам с воздуха и мнениям отдельных ученых, их сохранилось не более 350—400 тыс. По оценкам 1980—1981 гг., процесс сокращения стада карибу не прекратился, во всяком случае, не заметно существенного роста их поголовья²⁴. Дикий олень уже давно не обеспечивает тех потребностей в питании, одежде и обуви, которые он удовлетворял в прошлом.

Попытки внедрения домашнего оленеводства в число отраслей хозяйства коренного населения Аляски и Канадского Севера пока не оказались успешными. Хорошо известен крах коммерческого оленеводства на Аляске, достигшего в конце 30-х годов нашего века почти 1 млн. голов; оно не выдержало конкуренции со скотопромышленными фирмами основных районов США. Теперь на Аляске насчитывается от 9 до 14 тыс. домашних оленей (1976 г.). На Канадском Севере домашнее оленеводство существует с середины 30-х годов, но 40 лет стадо практически не росло, в 1974 г. оно насчитывало всего 5,2 тыс. голов. В последнее время оленеводству уделяется внимание как товарной отрасли хозяйства, продукция которой будет удовлетворять потребности растущего пришлого населения Севера и пойдет на рынки южных областей страны; к 1980 г. поголовье увеличилось до 13 тыс. животных²⁵.

Однако аборигены Аляски и Канадского Севера по-прежнему очень мало заняты оленеводством. По-видимому, для приобщения их к этой отрасли хозяйства нужны серьезные государственные и общественные меры помощи в перестройке истари сложившейся психологии охотни-

²² См. также: Черкасов А. И. Коренные жители Канадского Севера.— США. Экономика, политика, идеология, 1979, № 7.

²³ Hobart C. W. Op. cit., p. 212.

²⁴ Thomas D. C. Population Estimates of Barren Caribou. Ottawa, 1969; Musk Ox, 1978, № 21; 1981, № 28.

²⁵ Nasogaluak W., Billingsley D. The Reindeer Industry in the Western Canadian Arctic: Problems and Potential.— In: Proceedings. First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North. Ottawa, 1981, p. 86—90.

ков, кропотливое обучение приемам домашнего скотоводства. Кстати сказать, на трудности трансформации охотников Севера в скотоводов указывают западные исследователи²⁶.

Рыболовство играет заметную роль в хозяйстве коренного населения лишь на юге и юго-востоке Аляски как источник денежных доходов и как отрасль натурального хозяйства. Рыбаки-индейцы оказались здесь в полной зависимости от рыбопромышленных фирм и делят участь наемных рабочих. В других местах рыболовство служит дополнительным источником продуктов питания, однако аборигенов все больше теснят пришлые рыболовы и туристы. Морской зверобойный промысел предоставляет средства существования небольшой части эскимосов, запасы зверя заметно истощаются.

На наш взгляд, зарубежные исследователи, делающие ставку на развитие традиционных отраслей хозяйства, не всегда достаточно учитывают ограниченные в целом возможности освоения возобновимых, особенно биологических, охотничье-промысловых ресурсов Севера. Советский исследователь Севера Е. Е. Сыроечковский обращает внимание на эту ограниченность, объясняя ее низкой продуктивностью биологических ресурсов и крайней медленностью темпов их воспроизводства. Он подчеркивает ошибочность взглядов об изобилии биоресурсов Севера, это, по его словам, «кажущееся изобилие», требующее крайне осторожного подхода к оценке возможностей и масштабов развития промыслового хозяйства²⁷.

Впрочем, П. Дж. Пелто отмечает, что в условиях перехода северных народностей к товарно-денежному хозяйству, к зависимости от привозных товаров, растущего использования биологических ресурсов Севера пришлыми людьми эти ресурсы уже не могут служить мерилом возможностей экономического развития аборигенов²⁸. Л. К. Блисс считает, что поборники ставки на традиционное хозяйство, и прежде всего Т. Р. Бергер, явно недооценили длительное влияние антропогенной и техногенной деятельности на биологические ресурсы Севера и поэтому преувеличили возможности хозяйственного использования возобновимых ресурсов²⁹. Об этом же говорили канадские исследователи У. Э. Фуллер и Б. Э. Хьюберт на Первом международном симпозиуме по проблемам хозяйственного использования возобновимых ресурсов Севера; применительно к Северо-Западным Территориям они предсказывают, что к концу 80-х годов возможности расширения пушного промысла будут исчерпаны³⁰.

На этом симпозиуме П. Дж. Ушер и другие ученые подчеркивали, что дальнейшее развитие аборигенного охотничье-промыслового хозяйства требует повышения уровня научной организации управления биологическими ресурсами северных районов, предоставления аборигенам особых прав в эксплуатации этих ресурсов, усиления государственной помощи коренному населению. Иными словами, решение проблемы нуждается в мерах социального, политического характера. Утверждая, что кое-что в этом направлении делается, ученые в общем не очень оптимистично оценивают перспективы традиционных отраслей хозяйства коренного населения Аляски и Канадского Севера³¹.

²⁶ *Ingold T. Hunters, Pastoralists and Ranchers: Reindeer Economies and their Transformations.* Cambridge, 1980.

²⁷ *Сыроечковский Е. Е.* Биологические ресурсы Севера. Проблемы освоения. М.: Наука, 1974, с. 66—67.

²⁸ *Pelto P. J.* Ecology, Delocalization and Social Change.— In: *Consequences of Economic Change in Circumpolar Regions.* Edmonton, 1978, p. 29—36.

²⁹ *Bliss L. C.* The Report of the Mackenzie Valley Report Inquiry.— *Musk Ox*, 1978, № 21.

³⁰ *Fuller W. A., Hubert B. A.* Fish, Fur and Game in the Northwest Territories: Some Problems of, and Prospects for, Increased Harvests.— In: *Proceedings, First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North.* Ottawa, 1981, p. 12—29.

³¹ *Usher P. J.* Sustenance or Recreation? The Future of Native Wildlife Harvesting in Northern Canada.— In: *Proceedings, First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North.* Ottawa, 1981, p. 56—71.

Экономическое положение: некоторые итоги. И так, реалистичность сохранения традиционных отраслей хозяйства как прочной основы жизни малых народов Севера оказывается сомнительной. Более того, ставка на значительное расширение эксплуатации возобновимых биологических ресурсов представляется в условиях Севера в известной мере опасной, она может привести к их дальнейшему сокращению. Очевидна также необратимость социально-экономического процесса вовлечения малых народов Аляски и Канадского Севера в новые производственные отношения, это — диалектика развития любых народов. Но столь же очевидны показанные выше разнообразные трудности этого процесса.

Таков круг противоречивых, с трудом сосуществующих друг с другом проблем, с которыми встретились северные народности. И как следствие сложившегося положения — низкие в целом заработки и доходы коренного населения. К концу 70-х годов, особенно с начала выплаты правительствами США и Канады денежных компенсаций и ростом возможностей работы по найму, абсолютный уровень доходов в отдельных местах повысился.

Но важнее другое. Доходы у коренных жителей по-прежнему в целом намного ниже, чем у пришлого населения: на Аляске, к примеру, в 3—4 раза, на севере канадской провинции Саскачеван — в 4—4,5 раза³². Надо учесть при этом неустойчивость денежных заработков и натуральных доходов, их резко выраженную сезонность, полное отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Доходы к тому же сильно дифференцированы: аборигены, сумевшие найти работу, имеют заработки, подчас в 2—3 раза больше доходов охотников-промысловиков. Как подсчитал Арктический институт Северной Америки, 75% всех аборигенных поселений Канадского Севера не имеют надежной экономической основы³³. Во многих местах все еще достаточно высока доля государственных пенсий и пособий в денежных доходах коренного населения в целом; так, у канадских эскимосов в районе Коппермайна в 1971—1972 гг. она составила 23%, в 1975—1976 гг. — 16%, в 1979—1980 гг. — 18%³⁴.

Пропасть между бедными и богатыми, так же как и между аборигенами и пришлым населением, не уменьшается. А ведь марксизм-ленинизм всегда исходил из определения бедности при капитализме как понятия относительного, как нищеты, по определению В. И. Ленина, «в социальном смысле, то есть в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс»³⁵. Этот ленинский тезис вполне применим к народностям зарубежного Севера: уровень жизни пришлого населения этого региона, особенно Аляски, повышается, там появляется буржуазия, в том числе «туземная»³⁶, и это углубляет пропасть между имущими и бедными и в этих отдаленных районах, куда капитализм только проникает.

В начале 70-х годов ведущий исследователь проблем коренного населения Аляски Дж. Роджерс признавал: «Утверждение, что экономическое развитие Аляски в будущем автоматически решит „туземную проблему“, имеет не больше оснований, чем подобные прогнозы решения проблемы борьбы с бедностью в любом другом месте»³⁷. Прошед-

³² Prices and Incomes. Alaska and the US, 1967—1980.— Alaska Review of Social and Economic Conditions, 1981, № 2; Simpson-Housley P., Marchinko C., Trithardt E., Gerhart J. Resource Development and Human Perception — a Case Study of La-Ronge, Saskatchewan.— Regina Geographical Studies, 1980, № 3.

³³ Hamelin L. E. Op. cit., p. 220.

³⁴ Hobart C. W. Op. cit., p. 206.

³⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 4, с. 208.

³⁶ Буржуазная пропаганда, понятно, восхваляет это расслоение; о некоторых представителях «туземной элиты» (бизнесменов и администраторов), например, на Аляске появились целые монографии (см. Gallagher H. G. Etok. A Story of Eskimo Power. N. Y., 1974).

³⁷ Rogers G. W. Alaska Native Populations: Trends and Vital Statistics, 1950—1985. Fairbanks, 1971, p. 50

шее десятилетие показало правоту его слов. Л. Э. Амлен считает, что коренное население на современном этапе своего исторического развития без помощи государства не сможет выбраться из нищеты и подняться до сносных условий существования³⁸. Столь же неутешительную картину рисует исследователь проблем жизни индейцев североамериканской Арктики и Субарктики Дж. Ван-Стоун. «Индейцы,— пишет он,— стоят перед дилеммой: оставить свои родные места или жить за счет государственных субсидий»³⁹.

Показателем определенного тупика в социально-экономическом состоянии малых народностей Аляски и Канадского Севера служат участвовавшие факты миграций в основные области США и Канады. Этот выход можно считать актом отчаяния: как правило (о чем свидетельствует хотя бы опыт переезда индейцев, живущих в среднеширотных районах США и Канады, в крупные города), переселение людей в совершенно непривычные для них этнокультурные, социально-экономические и географические условия, в общество, стоящее на гораздо более высокой ступени развития, чем то, к которому эти люди принадлежат, ни к чему хорошему не приводит.

Итак, национальная политика буржуазных правительств не принесла надежного решения экономических проблем жизни малых народностей Севера. Да она и не могла его принести, оставаясь империалистической по своей сути. В этом смысле примечательно заключение Д. М. Джонс, исследовавшей жизнь алеутских деревень: «Фундаментальным экономическим фактором жизни алеутов, независимым от различий между деревнями, является колониальное положение алеутского народа. Основные доходы от освоения природных ресурсов Алеутских островов уходят вовне, ничего не оставляя алеутам». «... Алеуты совершенно лишены возможности контролировать свои экономические судьбы»⁴⁰.

Социологические проблемы. Культура и быт. Приход европейцев, разрушение ими изначального хозяйственного уклада коренного населения привели ко все убыстряющейся ломке всей его социальной жизни, начиная от характера расселения, жилищ, атрибутов быта до уровня образования, духовной культуры, психологической и морально-этической сфер. Наиболее характерным последствием этой ломки является концентрация аборигенов в крупных поселениях. Так, в Анкоридже в 1950 г. проживало только 659 индейцев, эскимосов и алеутов, а в 1973 г. их было 2609.

В последние 10—15 лет процесс концентрации стимулировался двумя главными причинами: поисками работы и политикой правительственных ведомств, осуществляющих определенные меры помощи коренному населению. По финансовым соображениям социальные программы (жилищное строительство, развитие систем образования и здравоохранения и т. д.) гораздо эффективнее осуществлять в крупных поселках. Но концентрация населения принесла, видимо, больше бед, чем пользы, она особенно явно обнаружила болезненные проблемы и противоречия, связанные с ломкой традиционного уклада жизни аборигенов. Как показали социологические обследования аборигенов в районах крупных североканадских поселков Фробишер-Бэй, Инувик, Хей-Ривер, Пайн-Пойнт, сам образ жизни и быт низкоквалифицированных рабочих, вначале привлекавший своей новизной индейцев и эскимосов, теперь часто их отталкивает. Обращает на себя внимание ухудшение морально-этических показателей жизни ряда групп северных народностей, чему спо-

³⁸ На примере эскимосского поселка Пелли-Бэй (около 200 жителей) Л. Э. Амлен подсчитал, что для обеспечения его населения удобным жильем, транспортом, учителями и врачами, а также минимальным объемом продовольствия, одежды, обуви и других жизненных средств надо затратить в течение 6 лет более 3 млн. долл. Такой суммы жители поселка практически собрать не могут (*Hamelin L. E. Op. cit.*, p. 225—228).

³⁹ *Van Stone J. W. Athapaskans Adaptations. Chicago, 1974, p. 120.*

⁴⁰ *Jones D. M. Aleuts in Transitions: Comparison of Two Villages. Seattle, 1976, p. 95.*

способствует их сосредоточение в крупных поселках. Особо сложны проблемы аборигенов, переехавших в большие северные города, например Анкоридж и Фэрбенкс. В большинстве случаев они деградируют в культурном и бытовом отношениях⁴¹. Отрицательное влияние пришлых людей в условиях неуважения к аборигенам и отчаянных условий их жизни тут совершенно очевидно. Алкоголизм, проституция, распад семьи, бродяжничество стали частыми явлениями. По-видимому, новая культура, цивилизация часто разлагающе действует на людей, которые ни экономически, ни культурно к ней не подготовлены.

Вообще в капиталистических условиях, при отсутствии особой социальной и экономической заботы об аборигенах, многие объективно прогрессивные нововведения часто не приводят к однозначному положительному эффекту. Так, среди коренного населения распространены мотонарты, их внедрение называют «технической революцией» на Севере⁴². Но машины, требуя много денег, повысили зависимость от внешних источников доходов, т. е. от работы по найму. Мотонарты оказались доступны лишь зажиточной части коренного населения, или же их покупка заставляет входить в большие долги. Недаром зарубежные исследователи подчеркивают, что внедрение мотонарт способствует дальнейшей классовой дифференциации аборигенов. Канадский ученый Дж. Смит на примере района Аклавика свидетельствует о растущей неприязни между эскимосской элитой — эскимосами, работающими по найму, имеющими деньги и мотонарты, и людьми из глубинки, живущими только промыслами и охотой и оказавшимися не в состоянии обзавестись машиной⁴³.

Внедрение в морской зверобойный промысел совершенного огнестрельного оружия (дальнобойного, с оптическим прицелом) приводит часто к росту потерь зверя при охоте: раненый, он тонет до того, как его успевают выловить. В какой-то мере это объясняют тем, что аборигены менее тщательно и менее квалифицированно относятся к своему старинному занятию, надеясь на другие источники существования и испытывая нехватку времени, работая, зачастую одновременно, в разных учреждениях и предприятиях⁴⁴.

Весьма сложна проблема получения коренным населением образования. Она прошла трудный, противоречивый путь. Долгое время после прихода европейцев дело обучения детей эскимосов, индейцев, алеутов Аляски и Канадского Севера находилось в руках церкви, миссионеров. Детей в интернатах обучали в религиозном духе, на английском или французском языках, предметы и весь дух воспитания и преподавания находились в полном отрыве от жизни родителей. Плоды обучения в конечном счете состояли лишь в том, что затрачивалось дополнительное время для того, чтобы подростки, возвратившись домой, смогли вновь войти в жизнь своей общины.

Постепенно, однако, положение менялось: с переходом аборигенов на новую хозяйственную и культурную орбиту, с ростом национального движения и борьбой аборигенов за свои права объективно стали нужны и воспитание в духе более развитой, чем у коренных жителей, культуры, и европейские языки, и новые профессиональные навыки. Это в определенной мере отвечало и интересам правящих кругов, стремившихся перевести народности Севера на капиталистический путь развития. На Канадском Севере, и особенно на Аляске, большое внимание теперь уделяется не только элементарному обязательному образованию (8 классов), но и более высокому уровню обучения в школах второй ступени (9—12 классов).

⁴¹ Jones D. M. (1978), Op. cit.

⁴² См., например: Peltó P. J. The Snowmobile Revolution: Technology and Social Change in the Arctic. Menlo Park, 1973.

⁴³ Smith J. G. E. Economic Uncertainty in an Original Affluent Society.— Acta Anthropological, 1978, № 1.

⁴⁴ Myers H., Op. cit.

Школьное воспитание способствует введению аборигенов в капиталистический образ жизни⁴⁵. Однако, как показано выше, капиталистический путь не обеспечил новых, широких возможностей материального и духовного развития аборигенов; во всяком случае, он не решил их жизненных проблем. Таким образом, повышение общеобразовательного и профессионального ценза коренного населения может лишь углубить противоречие между потенциальными и реальными возможностями. Работы для квалифицированных рабочих мало, расовая дискриминация не исчезла, а возврат к старому укладу практически уже невозможен.

Особый вопрос — сохранение собственной языковой культуры. Родной язык для ряда зарубежных северных народностей под угрозой если не исчезновения, то серьезного оттеснения английским или французским языком, который становится более нужным в практической жизни, чем родной. В результате возникает ситуация, при которой аборигены, например эскимосы, особенно молодежь, хорошо не знают ни эскимосского, ни европейского языка⁴⁶. Добавим к этому, что у многих северных народностей за рубежом письменность находится в зачаточном состоянии.

Все это привело к тому, что вопросы о содержании школьных программ, о языке обучения по-прежнему вызывают чувство неудовлетворенности даже у буржуазных исследователей⁴⁷. Подъем национального самосознания аборигенов вынудил власти включить родной язык в школьные программы Аляски и Канадского Севера. Однако наступление пришло культуры, и особенно широчайшее распространение радио и телевидения, позволяет, как считает американский исследователь М. Э. Краусс, утверждать, что языки коренного населения, по крайней мере Аляски, обречены на исчезновение⁴⁸.

В процессе развития коренного населения давно возникло, а в последнее время непрерывно углубляется противоречие между растущими потребностями — материальными и духовными — и возможностями их удовлетворения. Разрыв между доходами аборигенов и их потребностями непрерывно растет. Коренные жители, естественно, стремятся к приобретению новых видов обуви и одежды, бытовой утвари, радиоприемников, телевизоров, мотонарт, автомобилей. Этого требует переход многих аборигенов из хижин, палаток в дома европейского типа, переселение в крупные поселки или города. К росту потребностей толкает и участие в активизирующемся национальном движении, возникшее чувство собственного достоинства, стремление приобщиться к современной культуре.

Возникают обычные парадоксы и драмы развития отсталых народов в условиях капитализма. Объективный процесс общественного развития, рост национально-освободительного движения, научно-техническая революция сыграли прогрессивную роль, повысив политический, экономический и культурный уровень северных народностей. Вместе с тем те же условия не создали предпосылок полного удовлетворения новых потребностей, реализации новых возможностей, вызванных развитием производительных сил и внедрением новой культуры.

В создавшейся ситуации зачастую усваиваются лишь поверхностные элементы социально-культурного прогресса (мода, предметы бытоходной культуры, стиль внешнего поведения и т. д.). Объективно положительные старые морально-этические нормы, например чувство коллективизма, единения с природой, исчезают, а вместо них возникают дух наживы и стяжательства, острая борьба за вещи, притупление

⁴⁵ См., например: *Darnell F.*, Ed. *Education in the North*. Fairbanks, 1972; *Kleinfield J.*, *Bloom V.* *A Long Way from Home*. Fairbanks, 1973.

⁴⁶ *Brody H.* *Eskimo: a Language with the Future?* — *Polar Record*, 1977, № 117.

⁴⁷ *Darnell F.* *Education among the Native Peoples of Alaska*. — *Polar Record*, 1979, № 122.

⁴⁸ *Краусс М. Э.* Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее. — В кн.: *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки*. М.: Наука, 1981, с. 176—178.

любви к природе — характерные приметы эволюции любых отсталых народов в условиях капитализма. Отсюда постепенное разрушение этнокультурной общности отдельных групп северных народностей, особенно на Аляске.

Расширяется процесс ассимиляции аборигенов пришлым населением. Процесс этот сам по себе, в иных условиях, возможно, не должен оцениваться однозначно отрицательно. Но при капитализме метисы, как видно из их истории и современного положения в освоенных районах США и Канады, оказываются в особенно трудных условиях социально-экономического и культурного развития.

Нельзя вместе с тем не отметить небольшого подъема у некоторых народностей Аляски и Канадского Севера самобытной национальной культуры. К примеру, определенную известность приобрели эскимосские скульптуры (резьба по кости и дереву) и художники в Канаде.

Во многих других случаях национальная культура деградирует или развивается по «южным» образцам и моделям. Определенный стимул сохранения самобытной культуры Севера создает приток туристов, но он же способствует ее деградации, например массовому изготовлению нехудожественных изделий — всякого рода «этнических» сувениров и поделок. Судя по многолетнему опыту развития индейцев основных районов США и Канады и по тому, что сейчас происходит на Аляске, есть опасность превращения этой культуры в стилизованную рекламу старинных хижин, одежды, плясок, песен и игр⁴⁹.

Таковы сложные проблемы и противоречия современной жизни коренного населения Аляски и Канадского Севера.

⁴⁹ См., например: *Успенский С.* К востоку от Берингова пролива (по Аляске). М.: Мысль, 1980.